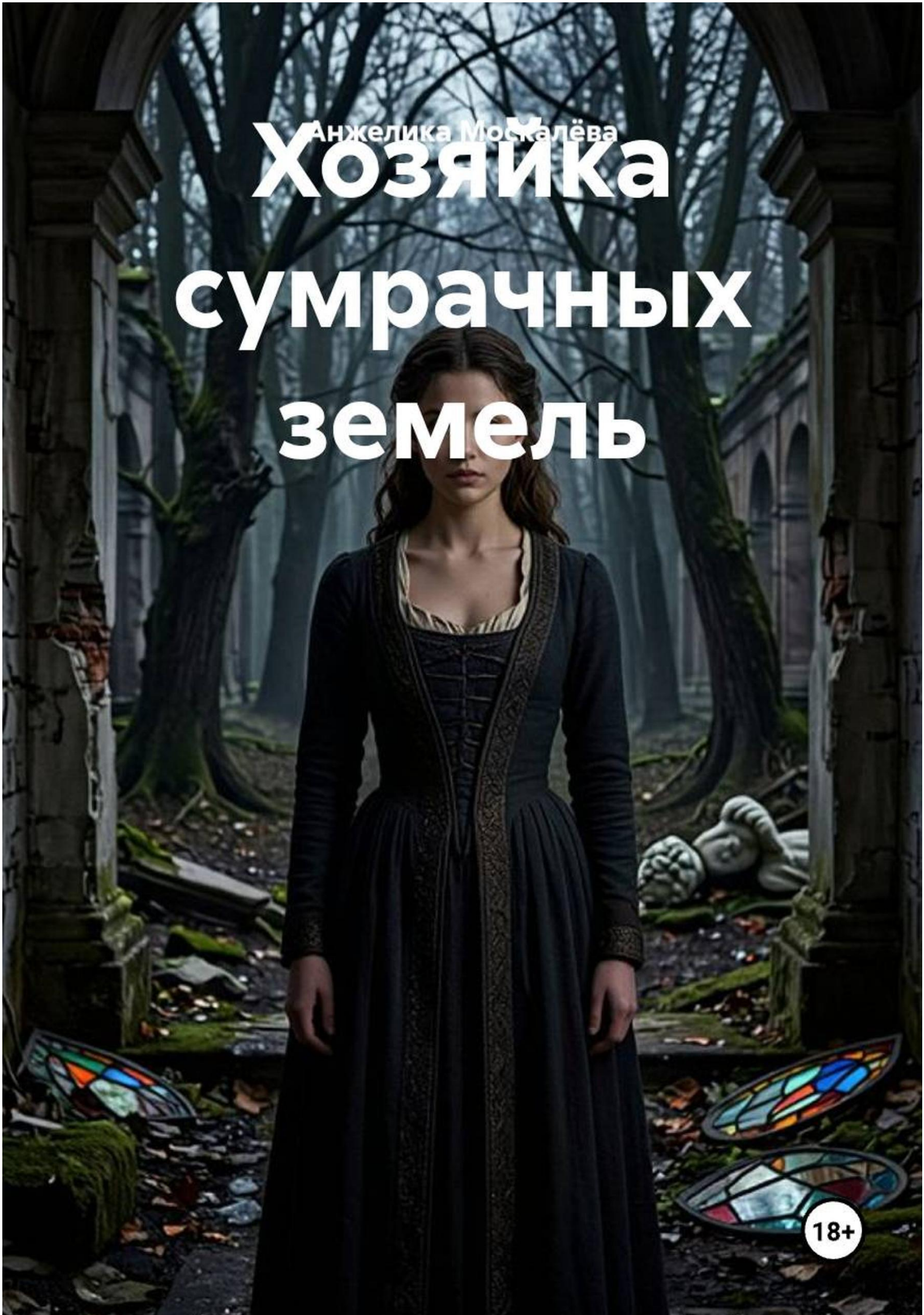

Анжелика Москалёва
Хозяйка сумрачных земель
18+

Анжелика Москалёва

Хозяйка сумрачных земель

«Автор»
2026

Москалёва А.

Хозяйка сумрачных земель / А. Москалёва — «Автор», 2026

В сорок три года Елена привыкла решать любые проблемы с помощью таблиц, холодного расчета и крепкого кофе, но внезапная смерть перенесла ее в тело юной аристократки Эвелин Дар. От некогда могущественного рода некромантов остались лишь полуразрушенное поместье, долги, преданные слуги-мертвецы да мрачная слава после гибели родителей от рук демонов. Вдобавок ко всему загадочный управляющий Кассиан Вейн, обладающий пугающей красотой и янтарным взглядом, явно ведет свою игру и сбывает на черном рынке редкие кристаллы из родовых недр. Вот только он не учел, что за кукольной внешностью хрупкой сироты теперь скрывается акула логистики с двадцатилетним стажем. Елена берется за жесткий аудит: наводит порядок в запущенных делах, ставит на место алчных соседей и превращает тайный промысел управляющего в основу будущей торговой империи. Но чем глубже она погружается в тайны своего нового мира, тем сильнее ее тянет к опасному и притягательному Кассиану, хранящему собственные темные секреты.

© Москалёва А., 2026
© Автор, 2026

Хозяйка сумрачных земель

Глава 1. Инвентаризация на том свете

Первым ощущением был холод. Не тот привычный московский ноябрьский озноб, от которого спасает пуховик и горячий кофе из автомата у метро, а пробирающий до самых костей, могильный сквозняк. Пахло сырым камнем, увядшими хризантемами и чем-то неуловимо сладковатым, похожим на ладан и старую пыль.

Елена с трудом разлепила веки. Над головой вместо привычного натяжного потолка с точечными светильниками возвышался темный деревянный балдахин, затянутый выцветшим бордовым шелком.

— Доработалась, — хрипло прошептала она, пытаясь приподняться на локтях. — Говорила же себе: нельзя закрывать годовой отчет по грузоперевозкам на одних энергетиках. Привет, инсульт. Или это уже реанимация? Какая-то странная больница...

Голос прозвучал пугающе тонко, словно звенел хрустальный колокольчик. Елена замерла, глядя на собственные руки, сжимающие тяжелое стеганое покрывало.

Это были не ее руки. Не загрубевшие от вечной спешки пальцы сорокатрехлетней женщины с коротким маникюром и тонкой сеточкой морщин на костяшках. На покрывале лежали изящные, почти кукольные кисти с белоснежной, полупрозрачной кожей, тонкими запястьями и длинными аристократическими пальцами.

Елена резко села в постели. Голова закружилась, перед глазами поплыли темные пятна, но вместе с дурнотой в сознание хлынул чужой, обрывочный поток воспоминаний. Имена, лица, мрачные коридоры, вспышки багрового пламени, крики матери, запах серы и леденящий душу рев тварей из-за Грани.

Эвелин Дар. Девятнадцать лет. Последняя из рода.

Она сползла с огромной кровати, едва не запутавшись в длинной ночной сорочке из тончайшего батиста, и, пошатываясь, подошла к высокому зеркалу в потемневшей серебряной раме.

Из зазеркалья на нее смотрела незнакомка. Хрупкая девушка с густой копной угольно-черных волос, рассыпавшихся по узким плечам. Огромные, чуть раскосые глаза цвета грозового неба, аккуратный носик, пухлые, бледные губы и кожа, словно выточенная из дорогого фарфора. Красивая — до боли, до нереальности красивая, как героиня старинной готической гравюры. Но в этих юных серых глазах сейчас застыл тяжелый, цепкий, абсолютно недетский взгляд сорокатрехлетнего логиста, привыкшего видеть мир в цифрах, маршрутах и рисках.

— Так, Елена Сергеевна, отставить панику, — твердо сказала она своему отражению, автоматически расправляя плечи. — Факт первый: я умерла. Факт второй: меня закинуло в другое тело и, судя по воспоминаниям о демонах и магии, в другой мир. Факт третий: судя по состоянию комнаты, дела у этого «рода Дар» идут из рук вон плохо.

Тяжелые дубовые двери спальни со скрипом приоткрылись, и в комнату бесшумно вплыла фигура.

Елена инстинктивно отступила на шаг, схватив со столика тяжелый серебряный подсвечник. Логист она или нет, но самосохранение никто не отменял.

Однако вошедший не собирался нападать. Это был высокий, сухопарый мужчина в безупречно сидящем, хоть и сильно потертом черном фраке. Вот только вместо лица у него был идеально отполированный человеческий череп, в пустых глазницах которого мерцали два ровных, спокойных голубых огонька. На костяных пальцах были надеты белоснежные перчатки, а на сгибе локтя висело свежее полотенце.

— Доброе утро, леди Эвелин, — произнес скелет глубоким, бархатным баритоном, слегка кланяясь. — Господин Вейн распорядился не беспокоить вас до полудня, но я счел

необходимым проверить, как вы перенесли вчерашний обморок. Позвольте подать вам умывальник и травяной отвар.

Елена медленно опустила подсвечник. В глубине чужой памяти тут же всплыло имя: *Гектор. Старший дворецкий. Поднят прадедом еще сто пятьдесят лет назад.*

— Благодарю, Гектор, — стараясь, чтобы голос не дрожал, ответила она. — Поставь на столик. И скажи... как давно это случилось? Нападение на родителей.

Голубые огоньки в глазницах скелета на миг потускнели, словно он опустил веки в знак скорби.

— Прошло ровно четырнадцать дней, моя госпожа. Вчера мы предали земле их прах в родовом склепе. После церемонии ваше сердце не выдержало горя, и вы упали без чувств. Признаться, мы с Мартой всерьез опасались, что некромантия нашего рода прервется навсегда.

— Не дождутся, — буркнула Елена, подходя к умывальнику и плеснув в лицо ледяной воды. Холод окончательно прояснил мысли. — Кто такая Марта?

— Старшая горничная, леди. Она сейчас проветривает малую гостиную, хотя, боюсь, от сквозняков ее эктоплазма снова начнет рассеиваться.

«Отлично, — мысленно усмехнулась Елена, вытирая лицо полотенцем. — Дворецкий-скелет и горничная-привидение. Идеальный штат сотрудников: зарплату платить не надо, на больничный не уходят, декрет не грозит».

— Гектор, мне нужно одеться. Пришли Марту, а сам передай этому... господину Вейну, что через час я жду его в кабинете отца. Со всеми приходно-расходными книгами, описями имущества и договорами за последние три года.

Череп дворецкого слегка наклонился набок, выражая крайнее изумление.

— Простите за дерзость, леди Эвелин, но раньше вы никогда не интересовались бумагами. Вы всегда говорили, что цифры навевают на вас мигрень, и полностью доверяли управление поместьем господину Кассиану.

— Времена меняются, Гектор, — холодно улыбнулась Елена, глядя в зеркало. — Когда остаешься одна с долгами и дырявой крышей, мигрень проходит мгновенно. Иди.

Через сорок минут, облаченная в строгое закрытое платье из темного серо-синего бархата, которое помогла зашнуровать полупрозрачная, вечно вздыхающая призрачная горничная Марта, Елена вошла в кабинет покойного лорда Дар.

Это была просторная комната с высокими стрельчатыми окнами, стеллажами старинных фолиантов и массивным столом из черного дуба. У камина, в котором лениво тлели сырые поленья, стоял мужчина.

Елена невольно замедлила шаг, оценивая его с чисто женским, цепким вниманием.

Кассиан Вейн был потрясающе хорош собой — той самой темной, породистой красотой, от которой у юных барышень обычно подкашиваются колени. Высокий, широкоплечий, с идеальной осанкой военного или аристократа. Темный камзол с серебряным шитьем сидел на нем как влитой, подчеркивая атлетическое сложение. Густые черные волосы были небрежно убраны назад, открывая высокий лоб и тонкие серебряные нити седины на висках, которые лишь добавляли ему шарма. Точеные скулы, волевой подбородок, чуть насмешливый изгиб губ и невероятные глаза — цвета темного, расплавленного янтаря, с вертикальным, почти кошачьим прищуром.

Когда он повернулся к ней, в воздухе повеяло дорогим табаком, озоном и чем-то неуловимо опасным.

— Леди Эвелин, — Кассиан плавно склонил голову, но в этом поклоне не было ни капли подобострастия. Скорее, снисходительная вежливость взрослого человека к капризному ребенку. — Рад видеть вас на ногах. Гектор передал ваше странное поручение. Боюсь, эти гроссбухи слишком тяжелы для ваших хрупких рук, да и в них нет ничего, кроме скучных столбцов цифр.

Он положил на стол всего две тонкие, потрепанные папки, всем своим видом показывая, что разговор займет не больше пяти минут.

Елена спокойно прошла мимо него, обошла дубовый стол и опустилась в высокое кожаное кресло хозяина дома. Сцепив пальцы на столешнице, она посмотрела прямо в эти гипнотические янтарные глаза.

— Присядьте, господин Вейн. Нам предстоит долгий разговор. И, к слову, где остальные книги? Если за три года ведения дел целого баронства у вас накопилось всего две тощие тетрадки, то либо мое поместье размером с собачью конуру, либо вы держите меня за полную идиотку.

Улыбка медленно сползла с красивого лица управляющего. В янтарных глазах впервые мелькнула искра неподдельного, острого интереса — и легкой тревоги.

Кассиан не сел. Он остался стоять у камина, скрестив руки на груди, и буравил ее тяжелым, изучающим взглядом. Отблески умирающего пламени скользили по его точеным скулам, делая черты лица еще более резкими, почти хищными.

— Полагаю, потрясение от смерти родителей сказалось на вашем настроении, леди Эвелин, — произнес он ровно, но в бархатном голосе зазвенела сталь. — Но не стоит говорить со мной в таком тоне. Я служил вашему отцу двенадцать лет. Все, что осталось от баронства Дар после нападения демонов, держится исключительно на моих плечах. А эти две книги — полная отчетность по текущим расходам и налогам.

— Налогам и расходам, значит, — Елена пододвинула к себе первую папку и раскрыла ее.

Листы были из плотной желтоватой бумаги, исписанные мелким, каллиграфическим, но совершенно не систематизированным почерком. Никаких сводных таблиц, никакого баланса дебета и кредита — сплошной поток записей в духе «закуплено три мешка овса», «выплачено кузнецу», «починена восточная стена».

Елена привычным движением схватила со стола тяжелое гусиное перо, макнула его в чернильницу и прямо на обороте последнего листа принялась быстро чертить вертикальные графы. Кисть юного тела оказалась удивительно послушной и гибкой, хотя с непривычки перо слегка царапало бумагу.

— Что вы делаете? — нахмурился Кассиан, делая шаг к столу и заглядывая через столешницу. В его янтарных глазах отразилось искреннее недоумение при виде четких колонок и арабских цифр, которые она машинально выводила рядом с местными значками.

— Перевожу вашу художественную литературу на язык цифр, господин Вейн, — не поднимая головы, ответила Елена. — Смотрите, какая интересная картина вырисовывается. Согласно этой записи, за последние полгода вы закупили сорок возов строительного камня и двадцать бочек смолы для ремонта крыши и укреплений. Верно?

— Верно, — сдержанно кивнул управляющий. — Граница с Пустошами требует постоянной защиты.

— Прекрасно. Только вот я, пока шла сюда из спальни, заметила в коридоре восточного крыла три лужи от протекающей кровли, а из окна видела, что северная башня до сих пор стоит без шпиля, снесенного, судя по воспоминаниям, еще три года назад во время грозы. Куда делись сорок возов камня? Их съели местные суслики?

Кассиан замер. На его безупречном лице не дрогнул ни один мускул, но воздух в кабинете словно наэлектризовался. Запах озона усилился, а в глубине янтарных зрачков вспыхнул холодный огонь.

— Часть материалов ушла на укрепление подземных галерей, — ответил он после короткой паузы, и голос его стал ниже. — После гибели лорда и леди Дар магический контур поместья ослаб. Пришлось запечатывать нижние уровни, чтобы твари из разломов не полезли прямо из подвалов.

— Подземные галереи, — повторила Елена, поднимая на него внимательный взгляд. В обрывочной памяти Эвелин мелькнуло смутное воспоминание о старых выработках под замком, куда ей строго-настрого запрещали спускаться с самого детства. — Это те самые штольни в Сумрачном ущелье?

Едва эти слова слетели с ее губ, как управляющий неуловимо напрягся. Это было мимолетное движение — чуть сжались пальцы на сгибе локтя, едва заметно дернулся уголок губ, — но для человека, двадцать лет проработавшего с поставщиками и подрядчиками, это был сигнал ярче пожарной сирены.

Попала. Прямо в яблочко.

— В штольнях давно нет ничего, кроме сырости и обвалов, леди Эвелин, — мягко, почти убаюкивающе произнес Кассиан, подходя ближе и опираясь ладонями о край стола. Он наклонился вперед, явно пытаясь подавить ее своим ростом, авторитетом и тяжелой, давящей аурой. — Вам не стоит забивать голову такими вещами. Ваша задача сейчас — восстановить силы, принять траур и подготовиться к визиту столичного стряпчего. Он прибудет через две недели, чтобы оформить вступление в наследство. А до тех пор позвольте мне заниматься делами.

Вблизи он выглядел еще более впечатляюще. Елена видела тонкую, едва заметную линию старого шрама у него под подбородком, видела, как четко очерчены его губы и каким гипнотическим, обволакивающим теплом веет от его кожи. Юная Эвелин наверняка бы покраснела, опустила глаза и покорно согласилась со всем, что скажет этот потрясающий мужчина.

Но внутри сидела сорокатрехлетняя Елена Сергеевна, которую не могли пробить даже озверевшие таможенники на границе в разгар предновогоднего аврала.

Она не отвела взгляда. Напротив, откинулась на спинку кресла, закинула ногу на ногу и спокойно улыбнулась.

— Забавно, господин Вейн. Вы так заботитесь о моем покое, что даже забыли упомянуть в этих бумагах о главном источнике дохода баронства. Ведь на одни скудные оброки с трех полупустых деревень вы бы не купили даже десяти возов камня, не говоря уже о том, чтобы содержать замок и оплачивать ваше весьма недешевое сукно на камзоле.

Кассиан медленно выпрямился. На этот раз скрыть удивление ему не удалось. Его темные брови чуть приподнялись, а в голосе впервые прозвучали нотки неподдельного, почти хищного любопытства.

— И откуда же, по-вашему, берутся деньги, моя юная госпожа?

— Из тех самых пустых штолен, — парировала Елена, постукивая кончиком пера по столешнице. — Не знаю пока, что именно там добывают, но завтра утром мы с вами спустимся туда и проведем полную инвентаризацию. Вместе. А заодно вы покажете мне вторую, настоящую бухгалтерию. Ту, которая не для столичного стряпчего.

В кабинете повисла густая, звенящая тишина. Слышно было только, как в камине с тихим треском лопнул уголек, да за дверью деликатно кашлянул костяной дворецкий Гектор.

Кассиан смотрел на нее долго, пристально, словно впервые видел перед собой не хрупкую фарфоровую куклу, а незнакомого, опасного противника. Затем уголки его губ дрогнули, складываясь в медленную, завораживающую усмешку.

— Что ж, леди Эвелин, — тихо проговорил он, снова склоняя голову, но на этот раз в его жесте появилось нечто похожее на уважение. — Похоже, смерть ваших родителей разбудила в вас не только скорбь, но и зубы. Завтра в восемь утра я буду ждать вас у входа в нижнюю галерею. Надеюсь, вы не боитесь темноты и мертвецов.

— После московских пробок и годовых отчетов, господин Вейн, — пробормотала Елена себе под нос, когда дверь за управляющим закрылась, — меня не испугает даже сам дьявол.

Глава 2. Подземная бухгалтерия

Утро в баронстве Дар начиналось не с пения птиц, а с протяжного завывания ветра в пустых бойницах и тихого поскрипывания половиц под призрачными туфельками Марты.

Елена проснулась ровно без четверти семь. Привычка подниматься по будильнику, выработанная за двадцать лет в транспортной логистике, оказалась сильнее магии и перемещения между мирами. Первым делом она внимательно осмотрела гардеробную покойной Эвелин и тяжело вздохнула. Сплошной бархат, кружева, шелковые корсеты и длинные шлейфы — идеально для бала в столице, но совершенно непригодно для спуска в сырые катакомбы.

— Марта, — позвала она, обращаясь к полупрозрачной фигурке, которая старательно смахивала пыль с туалетного столика, правда, метла при этом проходила сквозь баночки с кремом, не сдвигая их ни на миллиметр. — У меня в доме есть что-нибудь более практичное? Брюки для верховой езды, сапоги без каблука, плотная куртка?

Призрачная горничная вздрогнула, ее серебристые локоны колыхнулись, а в туманных глазах отразился искренний ужас.

— Брюки, миледи? Но ведь благородным девицам не пристало... Ваш батюшка, светлая ему память, всегда говорил, что леди Дар должна выглядеть как утренняя роза даже на краю Бездны!

— Утренняя роза на краю Бездны рискует запутаться в подоле и свернуть шею на первой же ступеньке, — отрезала Елена. — Ищи. Если нет у меня, посмотри в гардеробе отца или в сундуках для охоты. Размер подгоним.

Через полчаса она уже спускалась по главной лестнице, чувствуя себя куда увереннее. Узкие темные бриджи для верховой езды из шкафа отца оказались великоваты в талии, но кожаный ремень решил проблему. Высокие шнурованные сапоги на толстой подошве, белая рубашка с закатанными до локтей рукавами и короткий утепленный камзол превратили хрупкую фарфоровую куклу в изящного, стремительного подростка с ледяным взглядом.

У тяжелой кованой двери, ведущей в нижние ярусы замка, ее уже ждал Кассиан.

В тусклом свете настенных факелов управляющий выглядел как темный ангел, сошедший со страниц старинного гримуара. Он сменил парадный камзол на плотную кожаную куртку без лишних украшений, которая идеально обтягивала его широкие плечи и рельефную грудь. В одной руке он держал тяжелый латунный фонарь с синеватым магическим кристаллом внутри, а другой небрежно опирался о рукоять длинного кинжала на поясе.

Заметив наряд хозяйки, Кассиан медленно приподнял бровь. Его янтарный взгляд скользнул по ее фигуре от сапог до стянутых в тугой узел черных волос, задержавшись на тонкой талии.

— Весьма... нетрадиционный выбор для юной леди, — произнес он с легкой, бархатистой хрипотцой. — Если бы вас сейчас увидели в столице, старые графини упали бы в обморок.

— Счастье, что мы не в столице, господин Вейн, — парировала Елена, подходя вплотную и оценивая высоту сводов. — Ведите. И учтите: я хочу видеть каждый штрек, каждый склад и каждого работника.

Кассиан молча усмехнулся, повернул массивный ключ в замке и толкнул тяжелую створку. В лицо ударил сырой, холодный воздух, пахнущий озоном, землей и слабой, едва уловимой гнилью.

Они спускались по широкой каменной лестнице минут десять. Чем ниже они уходили под замок, тем ярче на стенах проступали странные, тускло светящиеся фиолетовые прожилки. Елена коснулась одной из них кончиками пальцев — и по коже пробежал легкий, щекочущий разряд статического электричества, а в груди, где-то под ребрами, внезапно отозвалось теплое, пульсирующее эхо.

«Магия крови, — подсказало чужое знание в голове. — Род Дар всегда питался силой Земли и Смерти».

— Осторожнее, леди Эвелин, — мягко, но властно произнес Кассиан, перехватывая ее за запястье и отводя руку от стены. Его ладонь была неожиданно горячей — почти обжигающей на фоне подземелья. — Необработанная жила Сумрачного кварца может вытянуть силы из неподготовленного мага. Ваш дар еще спит после потрясения.

Он не сразу отпустил ее руку. Его пальцы на секунду задержались на ее тонком запястье, словно он проверял пульс — или просто изучал ее реакцию. Елена почувствовала, как по телу юной Эвелин пробежала предательская волна жара, а сердце забилось чуть быстрее. Природа брала свое: в девятнадцать лет организм реагировал на красивого, опасного мужчину гораздо острее, чем в сорок три.

Она спокойно, без резких движений высвободила руку и посмотрела ему в глаза.

— Благодарю за заботу, господин Вейн. Но я прекрасно контролирую свое состояние. Что дальше?

Кассиан чуть прищурился, в глубине его янтарных глаз мелькнул азартный огонек, и он толкнул следующую дверь.

Перед ними открылась огромная подземная пещера, освещенная десятками синих кристаллов. И здесь кипела работа.

Около двух десятков фигур в рваных холщовых рубахах методично долбили породу кирками и грузили тяжелые куски темного камня в деревянные вагонетки. Вот только присмотревшись, Елена поняла, что у половины рабочих вместо лиц светились голые черепа, а у другой половины кожа была серой, высохшей, словно пергамент. Они двигались абсолютно бесшумно, слаженно и без единого перекура.

— Нежить-рудокопы, — тихо пояснил Кассиан, становясь рядом. — Подняты еще вашим дедом. Им не нужна еда, сон или отдых. Единственное, что им требуется — периодическая подпитка некромантической энергией, чтобы кости не рассыпались в прах.

Елена смотрела на это подземное производство, и ее внутренний логист буквально запел от восторга. Бесплатная круглосуточная рабочая сила! Никаких профсоюзов, сверхурочных и больничных! Но тут же ее наметанный глаз выхватил десяток критических ошибок.

— А теперь объясните мне, ради всего святого, — громко сказала она, перекрывая стук кирок, — почему вон та бригада таскает камни в корзинах на спине, когда рельсы для вагонетки обрываются в двадцати метрах от забоя?! И почему необработанная руда свалена в общую кучу прямо у входа, где от сырости кристаллы тускнеют?

Кассиан замер, переводя взгляд с нее на рудокопов и обратно.

— Рельсы повредило при прошлогоднем обвале, а кузнец в деревне запросил тройную цену за новое железо...

— Зато вы заплатили ему за бесполезные петли для амбара, судя по вашей тетради, — перебила Елена, направляясь к ящикам у дальней стены. — А это что такое?

Она откинула крышку массивного окованного сундука. Внутри, на мягкой черной бархатной подложке, лежали около тридцати идеально ограненных, размером с голубиное яйцо, кристаллов глубокого фиолетово-черного цвета. Внутри каждого из них словно клубился живой дым, переливаясь серебристыми искрами.

— Сердцевина Сумрачного кварца, — негромко, уже без привычной иронии ответил Кассиан, подходя ближе. — Высшая проба. Один такой камень в столице стоит пятьсот золотых крон. На черном рынке у алхимиков и боевых магов — до восьмисот.

Елена медленно повернула к нему голову.

— Тридцать камней. По восемьсот золотых. Это двадцать четыре тысячи крон только в одном этом ящике, господин Вейн. На эти деньги можно не только починить крышу замка, но и купить половину соседнего графства. Так скажите мне честно: куда уходят эти деньги, и на кого вы на самом деле работаете?

В пещере повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь мерным перестуком кирок нежити в дальнем штреке. Синеватый свет кристаллов отбрасывал длинные, рваные тени на лицо Кассиана. В этот миг он совсем не походил на учтивого дворецкого или скромного управляющего — перед ней стоял хищник, загнанный в угол, но готовый в любой момент перегрызть глотку.

Он медленно опустил крышку сундука. Глухой стук дерева эхом прокатился под сводами.

— Вы стали слишком наблюдательной, леди Эвелин, — тихо произнес Кассиан, делая шаг к ней. Он не угрожал, но его присутствие физически давило, заполняя собой все пространство. — Раньше вас интересовали только новые ленты к бальным платьям и стихи столичных поэтов. Что с вами случилось после той ночи?

Елена скрестила руки на груди и не отступила ни на миллиметр, хотя задирать голову, чтобы смотреть ему в глаза, было немного непривычно.

— Назовем это внезапным прозрением от удара судьбы, господин Вейн. Когда остаешься одна на краю света, мозги встают на место удивительно быстро. Так что не уходите от ответа. Двадцать четыре тысячи золотых крон только в одном этом ящике. А таких партий, судя по масштабам выработки, уходит по две-три в сезон. Где деньги?

Кассиан внимательно вгляделся в ее серые глаза, словно пытаясь прочесть мысли, а затем коротко, безрадостно усмехнулся.

— Хорошо. Вы наследница рода Дар, и вы имеете право знать, за что погибли ваши родители. Идите за мной.

Он взял фонарь и направился в узкий боковой проход, который перекрывала массивная решетка из почерневшего от времени серебра. Коснувшись замка ладонью, Кассиан прошептал короткое слово на незнакомом, гортанном языке — прутья тихо загудели и разошлись в стороны.

За решеткой открылся круглый каменный зал. И здесь Елена замерла, не в силах сделать вдох.

В самом центре зала, прямо в каменном полу, зияла огромная, неровная трещина длиной метров в десять. Из нее не поднимался дым, но сам воздух над разломом дрожал, словно над раскаленным асфальтом, и пах горелой плотью и серой. Снизу доносился глухой, утробный гул — словно где-то в глубокой бездне ворочалось гигантское чудовище. А над самой трещиной натягивалась полупрозрачная, мерцающая золотисто-черная сеть магического барьера. В нескольких местах нити сети уже истончились и опасно искрили.

— Разлом Пустоши, — глухо сказал Кассиан, останавливаясь у самого края. — Триста лет назад ваш предок запечатал здесь проход в нижние планы демонов. Род Дар получил эти земли и баронский титул не за красивые глаза, леди Эвелин. Ваша семья — стражи границы. Пока стоит этот барьер, твари не могут прорваться в королевство.

— И это барьер удерживали мои родители, — тихо проговорила Елена, чувствуя, как в груди ледяным комом сжимается чужая, но теперь уже ее собственная боль. — Демоны прорвались наружу две недели назад?

— Трое высших гончих, — кивнул Кассиан, и его желваки жестко напряглись. — Лорд и леди Дар успели запечатать прорыв ценой собственной жизни. Но заклятие слабеет. Чтобы питать этот купол без двух сильных некромантов, нужны артефакты сдерживания и редчайшие алхимические составы из столицы. А корона... — он презрительно скривил губы. — Король берет с баронства семьдесят процентов налога на любую официальную добычу Сумрачного кварца, оставляя на защиту границы жалкие крохи.

Елена перевела взгляд с искрящего барьера на профиль управляющего. В янтарных глазах Кассиана сейчас горела такая холодная, выстраданная ярость, что у нее не осталось ни капли сомнений: он не врет.

— Поэтому мой отец начал продавать кристаллы на черном рынке в обход королевской казны, — догадалась она. — А вы были его связным и исполнителем. Все деньги уходили на покупку реагентов для барьера?

— До последней медяшки, — ответил Кассиан, поворачиваясь к ней. — Более того, я вкладывал в это и свои средства. Но после гибели ваших родителей мои каналы в столице зашевелились. Кто-то слишком вовремя узнал, что барон Дар мертв, а у руля осталась неопытная девчонка. Цены на реагенты взлетели втрое, а покупатели требуют скидку, угрожая сдать нас королевским ищейкам.

Он замолчал, ожидая ее реакции. Наверное, думал, что она расплачется, испугается или потребует немедленно написать покаянное письмо королю.

Елена же медленно обошла зал по периметру, прикидывая размеры трещины, оценивая вентиляцию и прикидывая в уме финансовую модель. Потом остановилась прямо перед Кассианом.

— Знаете, в чем ваша главная проблема, господин Вейн? — спросила она совершенно деловым тоном. — Вы блестящий маг и, очевидно, отличный боец. Но как коммерсант и логист вы — полная бездарность.

Кассиан моргнул, явно сбитый с толку таким заявлением.

— Прошу прощения?

— Вы работаете через перекупщиков на черном рынке, теряя на комиссиях до сорока процентов прибыли, — четко, по пунктам начала загибать пальцы Елена. — Вы возите необработанный или кустарно ограненный камень, вместо того чтобы наладить нормальную сортировку. И, наконец, вы позволяете каким-то столичным крысам диктовать вам цены, хотя являетесь единственным монополистом на рынке Сумрачного кварца в этом регионе.

Она протянула ему руку — маленькую, изящную ладонь, в которой сейчас чувствовалась железная хватка.

— Предлагаю сделку, Кассиан. Я не буду мешать вам поддерживать барьер и обеспечивать безопасность замка. Более того, я помогу вам разбудить мой дар, раз уж без него нам не выжить. Но с этой минуты вся торговля, логистика, переговоры с покупателями и черный нал переходят под мой полный контроль. Мы переведем этот подпольный балаган на рельсы нормального бизнеса. Вы согласны?

Кассиан смотрел на ее протянутую руку, потом поднял взгляд на ее лицо. В его янтарных глазах медленно разгоралось неподдельное восхищение, смешанное с опасным азартом.

Он сделал шаг вперед, взял ее ладонь в свою — горячую, сильную, покрытую мозолями от меча — и, вместо того чтобы просто пожать, медленно наклонился и коснулся губами тыльной стороны ее кисти. Прикосновение было обжигающим, долгим, и по коже Елены снова пробежал электрический разряд.

— С такими условиями, моя леди, — прошептал он, выпрямляясь, но не выпуская ее пальцев, — я готов служить вам до последнего вздоха. Только боюсь, когда столичный стряпчий приедет через две недели, ему придется бежать из этого замка без оглядки.

Глава 3. Кадровая политика нежити

Вернувшись из подземелий в жилую часть замка, Елена первым делом потребовала горячий чай, чистую бумагу и полный список всего наличного персонала — как живого, так и не очень.

— Живых в замке, кроме вас и господина Вейна, нет, миледи, — невозмутимо сообщил Гектор, ставя перед ней на стол серебряный поднос с дымящимся чайником и тарелкой тонких галет. Костяные пальцы дворецкого при этом издали тихий, сухой перестук, словно кто-то перебирал деревянные костяшки счетов. — Деревенские жители нанимаются только на сезон-

ные работы в поле и на лесоповал, но переступать порог самого замка они боятся. После гибели ваших родителей страх только усилился.

Елена отхлебнула терпкий травяной настой, поморщилась — привычного эспрессо без сахара здесь явно не предвиделось, зато настой бодрил не хуже энергетика — и взяла в руки перо.

— Отлично, — сказала она, глядя на пустой лист бумаги. — Значит, работаем с тем штатом, который есть. Гектор, через полчаса собери в главном холле всю нежить, которая числится за замком, за исключением бригады рудокопов из нижнего штрека. Проведем планерку.

Голубые огоньки в глазницах скелета удивленно мигнули.

— Простите, миледи, что проведем?

— Общее собрание коллектива, Гектор. Оценку компетенций и перераспределение должностных обязанностей. Иди, выполняй.

Когда через тридцать минут Елена спустилась по парадной лестнице в главный холл, ей пришлось приложить немалое усилие, чтобы сохранить невозмутимое, аристократическое выражение лица. Картина перед ней открылась поистине феерическая.

Вдоль потрепанного ковра, вытянувшись в неровную шеренгу, стояли обитатели поместья. На правом фланге замерли четверо скелетов-стражников в потемневших от времени кольчугах и с тяжелыми алебардами в костяных руках. Рядом с ними переминались с ноги на ногу трое массивных зомби-чернорабочих с серой, дубленой кожей и совершенно пустыми, тупыми взглядами — их подняли для грубой физической силы, и на их лицах застыло выражение вечной, безмятежной задумчивости. Левый фланг занимала призрачная горничная Марта и еще два молодых призрака-посыльных, которые постоянно колыхались от малейшего сквозняка и то и дело проваливались полупрозрачными ногами сквозь каменные плиты пола.

У колонны, скрестив руки на груди, стоял Кассиан. Он сменил кожаную куртку на темно-серый камзол с высоким воротом, подчеркивающим его породистую бледность и острые скулы, и наблюдал за происходящим с выражением ленивого, чуть насмешливого любопытства.

— Итак, — громко начала Елена, останавливаясь на нижней ступеньке лестницы, чтобы возвышаться над строем. — Я ваша новая хозяйка, леди Эвелин Дар. Прежние времена закончились. Отныне в этом доме не будет хаоса, протекающих крыш и бестолковой беготни. Гектор, докладывай по каждому подразделению.

Дворецкий выступил на шаг вперед, сверился с невидимым списком и заговорил своим бархатным, торжественным баритоном:

— Стражники: Бран, Торн, Кайл и Руфус. Несут караул у главных ворот и на стенах. Правда, в дождливую погоду у Руфуса заклинивает коленный сустав, а Кайл на прошлой неделе потерял фалангу мизинца, когда гонял бродячих собак.

— Понятно, — кивнула Елена. — Дальше.

— Чернорабочие: Грог, Болт и Малыш. Занимаются колкой дров, расчисткой двора и переноской тяжестей. Интеллектом не обладают, понимают только простые команды из двух-трех слов. На прошлой неделе Болту велели «подмести конюшню», и он случайно разнес метлой две перегородки, потому что не рассчитал силу.

Кассиан у колонны тихо хмыкнул, прикрыв губы ладонью, но тут же снова принял невозмутимый вид, поймав строгий взгляд Елены.

— И призраки, — продолжала она, переводя взгляд на Марту. — Чем занимаетесь вы?

Марта всплеснула полупрозрачными руками и жалобно вздохнула:

— Ах, миледи, мы стараемся поддерживать уют! Я протираю пыль в спальнях, а Тим и Том разносят записки по замку. Но, увы, без подпитки от хозяина наша плотность совсем ослабла. Мы едва можем удержать в руках легкую тряпку, а уж открыть тяжелую дверь для нас и вовсе непосильный труд!

Елена медленно прошлась вдоль строя, заложив руки за спину. В голове сорокатрехлетнего логиста уже выстраивалась четкая, безупречная схема оптимизации процессов. То, что она видела сейчас, было классическим примером неэффективного менеджмента: ресурсы использовались абсолютно не по назначению.

— Значит так, — остановившись в центре холла, объявила она. — Слушаем новые должностные инструкции. Первое: призраки. С сегодняшнего дня вы освобождаетесь от уборки. Вытирать пыль, проходя сквозь предметы — это имитация бурной деятельности, за которую в приличных компаниях увольняют без выходного пособия.

Марта испуганно ахнула и схватилась за призрачное сердце:

— Миледи, вы хотите нас развеять?!

— Отставить панику, — строго оборвала ее Елена. — Вы переводитесь в службу безопасности и разведки. Вы бесшумны, невидимы в сумерках и способны проходить сквозь стены. Тим и Том — с этого вечера вы патрулируете периметр замка и дорогу из деревни. Если в радиусе двух миль появится чужой всадник, обоз или королевский соглядатай, вы немедленно докладываете мне или господину Вейну. Марта, ты будешь моей личной помощницей и координатором связи внутри замка.

Призрачная горничная замерла, ее туманные глаза округлились, а затем на бледном лице расцвела гордая, сияющая улыбка. Она даже стала чуточку плотнее от прилива энтузиазма.

— Слушаюсь, миледи! Ни одна мышь не проскользнет мимо!

— Второе, — Елена повернулась к массивным зомби. — Грог, Болт и Малыш. Зачем держать троих здоровых мужиков на колке дров, если у нас в шахте не хватает рабочих рук на погрузке вагонеток, а крыша восточного крыла течет как решето? Двое отправляются вниз помогать рудокопам таскать породу и чинить рельсы. Третий, самый аккуратный — пусть будет Малыш — поступает в распоряжение Гектора для ремонта кровли. Только выдать ему нормальные инструменты и четко объяснить задачу: не ломать, а класть черепицу.

— Я прослежу лично, моя госпожа, — с достоинством поклонился Гектор.

— И третье, — Елена перевела взгляд на скелетов-стражников. — Смазать суставы маслом. Всем четверым. Чтобы я не слышала этого скрипа на весь замок, будто здесь стая несмазанных телег катается. У ворот оставлять двоих, остальные двое — патрулируют внутренний двор и проверяют запоры на складах. Все свободны, приступайте!

Нежить с поразительной, почти армейской слаженностью развернулась и разошлась по своим постам. Даже зомби зашагали в сторону подвальной лестницы куда бодрее, чем стояли до этого.

В холле остались только Елена и Кассиан. Управляющий медленно отделился от колонны и подошел к ней. В его янтарных глазах сейчас плескалось такое искреннее, неприкрытое восхищение, что у Елены на мгновение перехватило дыхание.

— Должен признать, леди Эвелин, — негромко произнес он, останавливаясь в шаге от нее, — за двенадцать лет службы я видел многих магов смерти. Ваш отец был великим некромантом, но даже он относился к нежити лишь как к бездушным инструментам. Вы же за десять минут превратили горстку полуразвалившихся трупов в слаженный гарнизон. Откуда в вас эта... хватка?

Елена подняла на него спокойный, чуть насмешливый взгляд.

— Назовем это врожденным талантом к управлению персоналом, Кассиан. Кстати, раз уж мы перешли на ты в деловой обстановке... Что там с нашими столичными покупателями? Когда следующая партия кристаллов должна уйти на черный рынок?

Лицо управляющего мгновенно стало серьезным. Он оглянулся на пустой холл, убеждаясь, что даже призраки уже разлетелись по постам, и понизил голос:

— Через четыре дня. В полнолуние я должен встретиться со связным в таверне «Сломанная подкова» у Старого тракта, в двадцати милях отсюда. Мне нужно передать ему двадцать камней и забрать алхимические стабилизаторы для барьера.

— Прекрасно, — кивнула Елена. — Через четыре дня мы поедем туда вдвоем.

Кассиан нахмурился, его темные брови сдвинулись к переносице, а в голосе зазвучали властные, жесткие нотки:

— Исключено. Старый тракт — не место для юной аристократки. Там собираются контрабандисты, наемники и головорезы со всего королевства. Если кто-то узнает, что наследница рода Дар лично торгует нелегальным кварцем, нас сметут раньше, чем приедет стряпчий.

— Никто не узнает, если я надену дорожный плащ с глубоким капюшоном и буду молчать, пока не придет время диктовать цену, — твердо ответила Елена, глядя ему прямо в глаза. — Послушай меня внимательно, Кассиан. Ты сам сказал утром, что перекупщики начали выкручивать тебе руки и задирать цены на реагенты. Если ты поедешь один, они снова прогнут тебя, потому что знают: у тебя нет выбора, барьер слабеет. Им нужен новый игрок. Тот, кого они не знают и кого будут бояться.

— И кто же этот страшный игрок? Вы? — в голосе мужчины прозвучала горькая ирония, но без прежнего высокомерия.

— Я, — спокойно подтвердила она. — В маске, под видом доверенного лица нового хозяина земель Дар. Но чтобы эта игра сработала, мне нужно одно. Ты сказал утром, что мой дар спит. Разбуди его. Сегодня же.

Кассиан замер. Несколько секунд он молча изучал ее лицо — бледную кожу, упрямый разлет темных бровей, решительный изгиб губ и ледяной, стальной блеск серых глаз. Внутри него явно боролись осторожность опытного телохранителя и понимание того, что без пробуждения родовой магии она действительно не выживет.

Наконец он тяжело вздохнул, и в глубине его янтарных зрачков вспыхнул знакомый золотистый огонь.

— Хорошо, Эвелин, — тихо сказал он, впервые назвав ее по имени без титула, и от этого простого слова по ее спине пробежали мурашки. — Но если мы разбудим силу крови Дар, пути назад уже не будет. Магия некроманта меняет не только тело, но и душу. Ты готова к этому?

— Я уже умерла один раз, Кассиан, — усмехнулась Елена. — Поверь, после такого меня сложно чем-то напугать. Веди.

Он молча кивнул и направился не к подвальной лестнице, а в противоположное крыло замка, к скрытой за тяжелым гобеленом двери, ведущей в родовую башню.

Ритуальный зал рода Дар располагался на самом верхнем ярусе. Это была круглая комната без окон, с высоким куполообразным потолком, расписанным древними рунами, которые тускло светились серебристым светом. В центре каменного пола находился неглубокий бассейн, высеченный из цельного куска черного обсидиана и заполненный до краев темной, неподвижной водой, похожей на жидкое зеркало.

Воздух здесь был густым, холодным и пах озоном, грозой и сухим полынным дымом.

— Подойди к чаше, — негромко велел Кассиан, доставая из-за пояса тонкий серебряный кинжал с витой рукоятью. — Магия рода Дар спит в твоей крови. После гибели родителей твоя душа пережила слишком сильный шок, и каналы закрылись, чтобы спасти тебя от выгорания. Чтобы открыть их снова, нужен катализатор — капля твоей крови и внешний толчок силы.

Елена подошла к краю обсидианового бассейна. Черная вода отражала ее бледное лицо, но отражение казалось странно искаженным — словно из глубины на нее смотрела не девятнадцатилетняя девушка, а кто-то гораздо более древний и мудрый.

Кассиан встал у нее за спиной. Он был так близко, что Елена чувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань рубашки, слышала его ровное, глубокое дыхание. Его правая рука накрыла ее ладонь, направляя ее к острию кинжала.

— Не бойся, — прошептал он ей на ухо, и бархатный вибрационный тембр его голоса отозвался легкой дрожью внизу живота. — Будет больно лишь секунду.

Он плавно провел лезвием по подушечке ее безымянного пальца. Тонкая алая капля сорвалась вниз и упала в черную воду.

И в ту же секунду мир взорвался.

Едва кровь коснулась поверхности, обсидиановая чаша вспыхнула ослепительным фиолетовым пламенем. Руны на куполе загудели, словно гигантский орган, и по телу Елены ударила волна ледяного, обжигающего потока. Она вскрикнула, едва не упав на колени, но сильные, горячие руки Кассиана мгновенно подхватили ее за талию, прижимая спиной к его широкой груди.

— Держись, — выдохнул он ей в висок, сплетая свои пальцы с ее пальцами и направляя поток собственной энергии прямо в ее ладони. — Не сопротивляйся силе! Впусти ее!

Елена зажмурилась, стиснув зубы. Сквозь ледяной холод некромантии, который заполнял ее вены, пробуждая спящие резервы юного тела, она вдруг отчетливо почувствовала *его* магию. И замерла от потрясения.

Сила Кассиана Вейна не имела ничего общего с обычной магией людей или магов королевства. Она была древней, обжигающей, тяжелой, как расплавленный металл, и пахла пеплом и ночной бурей. В ней чувствовалась такая пугающая, первобытная мощь, что у любого другого мага от одного прикосновения к ней остановилось бы сердце.

«Кто же ты такой на самом деле, Кассиан?..» — мелькнула в ее голове острая, как бритва, мысль, прежде чем фиолетовое пламя в чаше погасло, оставив после себя густую, звенящую тишину.

Елена тяжело дышала, все еще опираясь спиной о его грудь. Теперь она видела этот зал иначе. Она видела тонкие серебристые нити жизни, тянущиеся от замка к деревне, чувствовала каждого скелета и каждого призрака в стенах поместья, словно они были продолжением ее собственных пальцев. Дар проснулся.

Кассиан не спешил разжимать объятия. Его ладони все еще лежали на ее талии, горячие, надежные, а подбородок почти касался ее макушки.

— С возвращением, леди Дар, — тихо произнес он, и в его голосе звучала странная, почти болезненная нежность, которую он тут же попытался скрыть за привычной сдержанностью. — Теперь ты по-настоящему дома.

Глава 4. Теневой аукцион

Четыре дня пролетели как один долгий, напряженный рабочий день. Елена с головой ушла в наведение порядка, и замок Дар, веками пребывавший в сонном, полуразрушенном оцепенении, начал стремительно преображаться.

Первым делом она взялась за шахту. Спустившись туда еще дважды, Елена составила пошаговый план модернизации: зомби Грог и Болт под присмотром костяных рудокопов переложили обрушенный участок рельсов, используя железные балки из старого арсенала, которые прежде просто ржавели в подвалах. В забое организовали трехсменную сортировку породы по размеру и чистоте кристаллов, а для хранения готовой продукции выделили сухой, обитый свинцом каземат на втором подземном уровне.

Параллельно Елена осваивала свой пробудившийся дар. Кассиан оказался строгим, требовательным, но потрясающе чутким наставником. Каждый вечер они поднимались в ритуальный зал, где он учил ее чувствовать потоки смерти, плести простейшие некромантические нити и подпитывать слуг без ущерба для собственного резерва.

Именно на этих занятиях между ними начала складываться та самая тонкая, волнующая игра, от которой у Елены порой сбивалось дыхание. Стоило ей допустить ошибку или проявить

упрямство, как Кассиан мгновенно переходил на «ты» — его голос становился низким, бархатным, почти интимным, а взгляд янтарных глаз обжигал так, что юное тело Эвелин вспыхивало румянцем. Но едва урок заканчивался или они выходили в коридор, управляющий тут же надевал маску безупречной аристократической холодности, склонял голову и возвращался к подчеркнуто вежливому «вы».

Наступил вечер полнолуния.

Ровно в десять часов Елена стояла в конюшне замка, застегивая тяжелый дорожный плащ из грубой черной шерсти с глубоким капюшоном. На нижнюю половину лица она повязала плотный шелковый платок темно-синего цвета, оставив открытыми лишь глаза — холодные, серые, подведенные легкой тенью угля по совету Марты. Сумка с двадцатью отборными кристаллами Сумрачного кварца, упакованными в индивидуальные бархатные мешочки, висела у нее через плечо.

У ворот уже ждали два вороных жеребца. Кассиан проверял подпругу на своем коне — огромном, поджаром скакуне с огненным взглядом. На самом управляющем был темный дорожный костюм, высокий кожаный воротник, скрывающий шею, и длинный плащ, под которым угадывались очертания меча и нескольких метательных ножей.

Увидев Елену, он замер на секунду, окинул ее цепким взглядом с головы до ног и медленно подошел ближе.

— Капюшон ниже, леди Эвелин, — негромко произнес он, и его пальцы уверенно потянули край грубой ткани, надвигая ее ей почти на самые брови. При этом его костяшки случайно скользнули по ее виску, оставляя за собой обжигающий след. — И помните наш уговор. В таверне вы — госпожа Морана, доверенный представитель нового владельца рудников. Говорите мало, смотрите жестко, руки из-под плаща не вынимайте.

— А ты, значит, мой скромный телохранитель? — тихо усмехнулась Елена из-под шелковой повязки, намеренно нарушая дистанцию.

Уголок губ Кассиана дрогнул. Он наклонился чуть ближе, так что его горячее дыхание коснулось ее щеки, и прошептал уже на «ты»:

— Попробуешь сунуться под клинок, если запахнет жареным — лично перекину через седло и увезу обратно, невзирая на все твои титулы. Поняла?

— Поняла, — спокойно ответила она, хотя сердце в груди сделало кульбит. — Поехали.

Двадцать миль по ночному лесному тракту они преодолели чуть меньше чем за два часа. Луна заливала дорогу мертвенно-серебристым светом, деревья отбрасывали длинные причудливые тени, а в чаще время от времени вспыхивали желтые глаза ночных зверей, которые, впрочем, поспешно шарахались в сторону, едва почуяв тяжелую, давящую ауру Кассиана.

Таверна «Сломанная подкова» притулилась на перекрестке трех дорог, вдали от королевских постов. Это было приземистое двухэтажное здание из потемневших бревен с крошечными засаленными окошками, из которых сочился тусклый желтый свет. У коновязи стояло с полдюжины породистых лошадей и один закрытый дорожный экипаж без гербов.

Кассиан спешился первым, помог спуститься Елене — его ладони на миг задержались на ее талии чуть дольше положенного — и тихо бросил:

— Идем сразу в дальний угол, в закрытую ложу. Спиной к стене.

Внутри таверны пахло жареным мясом, кислым элем, дешевым табаком и мокрой шерстью. За грубыми столами сидели мрачные типы в кожаных куртках и плащах — контрабандисты, наемники и перекупщики, привыкшие не задавать лишних вопросов. На вошедшую пару покосились, но, заметив тяжелый взгляд Кассиана и рукоять его меча, тут же отвели глаза.

В дальней части зала, за тяжелой бархатной портьерой, скрывалась отдельная комната. Там уже ждали двое.

Первый — коренастый, лысеющий мужчина лет пятидесяти с хитрыми бегающими глазками и перстнями на каждом пальце. Это был скупщик Кроу, через которого раньше шли все сделки.

А вот второй заставил Елену внутренне напрячься. Это был молодой, лет двадцати пяти, потрясающе красивый мужчина в роскошном темно-изумрудном камзоле, расшитом золотой нитью. Платиновые, почти белые волосы падали ему на плечи мягкими волнами, аристократически бледное лицо дышало высокомерием, а холодные, льдисто-голубые глаза смотрели на мир с выражением брезгливой скуки. На безымянном пальце его правой руки поблескивал массивный перстень столичной Магической Академии.

— А вот и наш пунктуальный друг Вейн, — лениво протянул блондин, даже не подумав привстать со стула. Он бросил пренебрежительный взгляд на затянутую в черный плащ фигуру Елены и скривил тонкие губы. — А это еще кто? Привел с собой няньку, Кассиан? Или баронская девчонка наконец поняла, что без столичного покровительства ей не выжить, и прислала свою горничную просить милостыню?

Кроу нервно хихикнул, потирая потные ладони, но тут же осекся, поймав ледяной, обещающий скорую смерть взгляд Кассиана.

Управляющий положил руку на эфес меча, делая шаг вперед, но Елена незаметно коснулась его локтя кончиками пальцев, останавливая, и сама прошла к столу. Она не стала садиться. Встав напротив столичного франта, она медленно оперлась руками в черных перчатках о столешницу и наклонилась вперед.

— Милостыню здесь просит только тот, у кого в столице горят сроки по закрытому заказу дома Норт, лорд Варис, — произнесла Елена ровным, низким, ледяным голосом.

Блондин мгновенно замер. Маска ленивой скуки слетела с его красивого лица за доли секунды. Льдистые глаза расширились, а пальцы судорожно сжали подлокотник кресла.

— Откуда... — прошипел он, теряя всю свою спесь. — Кто ты такая?!

Елена внутренне торжествовала. Вчера вечером Марта, отправленная в разведку на почтовую станцию в соседнем городке, перехватила и прочитала писцовую ведомость столичного курьера, шедшего на север. Обычный логистический анализ цепочек поставок — и вот вам готовый козырь в рукаве.

— Я та, кто решает, получит ли ваша лаборатория двадцать чистых кристаллов Сумрачного кварца до конца этой недели, или вы будете объяснять герцогу Норту, почему его ритуал провалился, — спокойно отрезала Елена. — А теперь, господа, уберем лишний пафос и перейдем к цифрам. Старые расценки умерли вместе с прежним бароном.

В маленькой душной комнате за бархатной портьерой повисла напряженная, звенящая тишина. Скупщик Кроу вжал голову в плечи и переводил испуганный взгляд с высокомерного столичного мага на хрупкую фигуру в черном плаще. А у двери, скрестив руки на груди и едва заметно усмехаясь уголком губ, стоял Кассиан, наслаждаясь представлением.

Лорд Варис первым пришел в себя. Он медленно откинулся на спинку стула, сцепил длинные, ухоженные пальцы и прищурил льдисто-голубые глаза.

— Допустим, у вас неплохие осведомители в столице, госпожа... как вас там, — процедил он сквозь зубы, пытаясь вернуть себе контроль над ситуацией. — Но это ничего не меняет. Баронство Дар на грани разорения. Королевский стряпчий через десять дней опишет ваши долги, и рудники отойдут казне. Так что вы отдадите кристаллы по прежней цене — четыреста крон за штуку — и получите свои жалкие склянки со стабилизаторами. Иначе через две недели я куплю их у короны вдвое дешевле.

Елена тихо, сухо рассмеялась. Звук вышел настолько холодным и насмешливым, что у Кроу по спине пробежали мурашки.

— Боюсь, ваша информация устарела, лорд Варис, — спокойно произнесла она, доставая из дорожной сумки один бархатный мешочек и небрежно выкатывая на стол крупный, иде-

ально ограненный кристалл. В тусклом свете свечи сердцевина камня вспыхнула густым, гипнотическим фиолетовым пламенем. — Во-первых, у рудников Дар теперь новый покровитель, который уже погасил все претензии казны. Во-вторых, через две недели ритуал герцога Норта вам уже не понадобится — лунное окно закроется послезавтра. Так что либо вы покупаете этот товар сегодня на моих условиях, либо едете в столицу с пустыми руками.

Варис сжал зубы так, что на скулах заходили желваки. Он пожирал взглядом сияющий кристалл — такой чистоты камня в столице не видели уже лет пять.

— И каковы же ваши условия? — глухо спросил он.

— Пункт первый, — Елена четко отбила ритм кончиком пальца по столу. — Посредник нам больше не нужен. Простите, господин Кроу, ничего личного, но ваши двадцать процентов комиссии теперь остаются в нашей казне. Отныне столичный дом работает с нами напрямую.

Скупщик задохнулся от возмущения, дернулся было открыть рот, но встретился взглядом с янтарными глазами Кассиана — и тут же сдулся, покорно опустив голову.

— Пункт второй, — продолжала Елена, не обращая на него внимания. — Цена за эту партию из двадцати камней — семьсот крон за штуку. Итого четырнадцать тысяч золотом. Половину — монетами и банковскими векселями прямо сейчас, вторую половину — в виде расширенного набора алхимических стабилизаторов и чистой ртути высшего перегона.

— Семьсот крон?! — вскинулся Варис, едва не вскочив со стула. — Это грабеж! Даже на черном рынке...

— На черном рынке нет камней такой огранки и чистоты, — отрезала Елена, протягивая руку, чтобы забрать кристалл обратно в мешочек. — Но я не настаиваю. Кассиан, уходим. Думаю, алхимики Северного герцогства с радостью заберут всю партию хоть завтра утром.

— Стойте! — выкрикнул Варис, когда ее пальцы уже коснулись бархата. Он судорожно выдохнул, провел ладонью по платиновым волосам и с ненавистью уставился на стол. — Проклятье... Хорошо. Семьсот крон. Кроу, тащи сундучок из экипажа. Живо!

Через двадцать минут сделка была закрыта. Елена лично пересчитала тяжелые золотые кроны, проверила водяные знаки на векселях столичного торгового банка и внимательно осмотрела каждую склянку с серебристыми стабилизаторами, уложенными в обитый войлоком ящик.

Когда они вышли из таверны в прохладную, залитую лунным светом ночь и увязали ящик в переметных сумах, Кассиан молча помог ей сесть в седло. Всю обратную дорогу они скакали быстро, почти не переговариваясь, и только когда за спиной остались последние версты лесного тракта, а впереди показались темные, величественные башни замка Дар, управляющий пустил своего вороного коня шагом, поравнявшись с ней.

— Ты знала про лунное окно? — негромко спросил он, глядя прямо перед собой. В лунном свете его профиль казался высеченным из темного мрамора. — Или блефовала?

Елена стянула с лица шелковую повязку и глубоко вдохнула свежий ночной воздух, пахнущий хвоей и близкой грозой.

— Наполовину, — честно призналась она, улыбнувшись. — Я знала из писем, что заказ срочный. А про закрытие окна угадала по тому, как у него дернулся глаз, когда я упомянула две недели. В логистике это называется «оценка критического срока поставки». Если клиент нервничает, значит, дедлайн горит синим пламенем.

Кассиан повернул к ней голову. В его янтарных глазах плясали золотые искры, а в голосе звучала странная смесь восхищения и какой-то скрытой, почти опасной нежности.

— Ты удивительная женщина, Эвелин Дар, — тихо произнес он, приближая своего коня вплотную к ее скакуну. — Порой мне кажется, что в ту ночь, когда погибли твои родители, в это тело спустилась древняя богиня войны и торговли.

Они въехали во внутренний двор замка, где у конюшни их уже встречал невозмутимый Гектор. Кассиан спешился первым и подошел, чтобы снять ее с седла.

Когда его сильные руки обхватили ее за талию и плавно опустили на землю, он не сделал шаг назад, как обычно. Напротив, он задержал ладони на ее боках, притягивая чуть ближе — так близко, что Елена почувствовала жар его тела сквозь плотную шерсть плаща и уловила знакомый аромат табака, озона и дикого ветра.

Она подняла голову, встречаясь с его гипнотическим взглядом. Сердце в груди заколотилось как пойманная птица. Кассиан медленно наклонился, его горячие пальцы коснулись ее подбородка, приподнимая лицо к лунному свету...

Но в последний миг, когда между их губами оставалось всего несколько дюймов, управляющий замер. Его грудь тяжело вздымалась, янтарные зрачки сузились в тонкие вертикальные щелочки, словно он вел внутри себя яростную борьбу.

Наконец Кассиан глухо выдохнул, медленно разжал пальцы и отступил на шаг назад, снова надевая свою непроницаемую, безупречно холодную маску.

— Доброй ночи, леди Эвелин, — произнес он ровным, подчеркнуто официальным тоном, слегка склонив голову. — Я распоряжусь, чтобы реагенты немедленно доставили к Разлому. Отдыхайте. Через шесть дней прибудет столичный стряпчий, и нам понадобится вся ваша... коммерческая хватка.

Развернувшись, он стремительно зашагал в сторону башни, оставив Елену стоять посреди двора с гулко бьющимся сердцем и легкой, растерянной улыбкой на губах.

— Да уж, Елена Сергеевна, — прошептала она сама себе, глядя ему вслед. — Кажется, в этом мире тебя ждут проблемы похуже годового отчета.

Глава 5. Прием по высшему разряду

Шесть дней пролетели в лихорадочной, но четко выверенной работе. Елена ввела в замке жесткий распорядок дня, которому позавидовал бы любой крупный распределительный центр. Каждое утро начиналось с короткой планерки с Гектором и Мартой, днем она разбирала родовые архивы и переписывала гроссбухи, а вечера проводила в ритуальном зале с Кассианом, оттачивая контроль над темной энергией.

Свежие алхимические стабилизаторы, купленные у лорда Вариса, сотворили чудо. Спустившись к Разлому накануне, Елена с удовлетворением отметила, что барьер перестал искрить, его золотисто-черная сеть снова загудела ровно и мощно, а глухой рокот из недр Пустоши стих до едва различимого шепота.

Но расслабляться было рано. В полдень шестого дня призрачный посыльный Тим, буквально просочившись сквозь дубовую дверь кабинета, звонко доложил:

— Миледи! По тракту со стороны Королевского моста движется черная карета с гербом Тайной канцелярии и четверо всадников сопровождения! Будут у главных ворот через четверть часа!

Елена отложила перо, промокнула чернила и спокойно посмотрела на сидящего напротив Кассиана.

— Ну вот, наш дорогой гость пунктуален. Пора начинать спектакль.

— Вы уверены, что не хотите, чтобы я присутствовал при беседе в качестве вашего официального опекуна? — уточнил Кассиан, поправляя манжеты идеально сидящего черного камзола. Сегодня он выглядел особенно внушительно: собранный, холодный, с легкой, опасной улыбкой на губах. — Старый Корвус — матерый стервятник. Он съел не одного провинциального барона, подсовывая им кабальные закладные.

— Вот именно поэтому он должен думать, что перед ним сидит перепуганная девятнадцатилетняя дурочка, у которой из всех защитников только рассыпающийся скелет и пара привидений, — улыбнулась Елена, поднимаясь из-за стола. — Пусть расслабится и раскроет карты.

А ты займи место за ширмой в соседней комнате. Если потребуется силовая поддержка или магический свидетель — я подам знак.

Через пятнадцать минут тяжелые кованые ворота замка со скрипом распахнулись. В мощеный внутренний двор въехала массивная, обитая темной кожей карета, запряженная четверкой серых в яблоках лошадей. Следом за ней въехали четверо гвардейцев в синих плащах с королевскими лилиями на груди.

Дверца кареты отворилась, и на брусчатку грузно ступил человек лет шестидесяти. Он был тучен, облачен в дорогую малиновую мантию, отороченную горностаем, а его одутловатое лицо с двойным подбородком и маленькими, заплывшими жиром глазками выражало смесь брезгливости и предвкушения легкой наживы. Это был господин Арчибальд Корвус, старший стряпчий королевской казны.

Он брезгливо поморщился, оглядывая серые каменные стены замка и замерших у входа двоих скелетов-стражников с алебардами.

— Какая убогость, — громко фыркнул чиновник, обращаясь к своему молодому секретарю, семенившему следом с пухлым кожаным портфелем. — И ради этой развалины нас гнали три дня по осенней грязи! Впрочем, недра здесь богатые, а девчонка наверняка подпишет все, что ей положат на стол, лишь бы ей оставили пенсион на булавки.

— Добро пожаловать в замок Дар, господин Корвус, — раздался с крыльца тихий, чуть дрожащий голосок.

На верхнюю ступеньку вышла Елена. Сегодня на ней было скромное, закрытое до самого подбородка траурное платье из черного шелка без единого украшения. Бледное фарфоровое лицо, опущенные длинные ресницы, робко сложенные на груди тонкие пальцы — само воплощение сиротской беспомощности. Даже Кассиан, наблюдавший за этой сценой из окна второго этажа, не удержался от восхищенного вздоха.

Корвус расплылся в масляной, приторно-ласковой улыбке и, пыхтя, поднялся по ступеням.

— Мои глубочайшие соболезнования, юная леди Эвелин! Какая трагедия, какая невосполнимая утрата для всего королевства! Ваш покойный батюшка был достойнейшим мужем... Увы, судьба жестока, а государственные дела не терпят отлагательств. Пройдемте в ваш кабинет, нам нужно уладить некоторые формальности по вступлению в наследство.

— Конечно, господин стряпчий, прошу вас, — кротко кивнула Елена, отступая в сторону. — Гектор, проводи господина Корвуса и его секретаря в малую гостиную. Гвардейцы могут отдохнуть в караульной, им подадут горячий эль и мясо.

Стряпчий самодовольно крякнул, явно довольный тем, как легко все складывается, и проследовал за костяным дворецким.

В малой гостиной ярко горел камин, на дубовом столе стоял серебряный кофейник и ваза с засахаренными фруктами. Корвус с комфортом развалился в самом мягком кресле, достал из портфеля секретаря внушительную стопку пергаментов и выложил их на стол с видом хирурга, готовящегося к вскрытию.

— Видите ли, милая леди Эвелин, — начал он елейным голосом, потирая пухлые руки. — Управление пограничным баронством и сдерживание Разлома — дело непосильное для хрупкой девушки. К тому же за вашим покойным отцом числится немалый долг перед королевской казной. Недоимки по налогу на добычу Сумрачного кварца за последние три года составляют ровно двенадцать тысяч золотых крон!

Елена, сидевшая напротив в скромном кресле с прямой спинкой, испуганно прижала ладонь к губам:

— Двенадцать тысяч?.. Но откуда же у меня такие деньги, господин Корвус?

— Вот и я о том же, дитя мое! — радостно подхватил чиновник, подвигая к ней нижний лист пергамента и обмакивая перо в чернильницу. — Но Его Величество милостив. Чтобы

избавить вас от долговой ямы, казна готова взять рудники и северные земли баронства в прямое управление сроком на двадцать пять лет. Вам же оставят сам замок и ежегодное содержание в пятьсот крон. Просто поставьте свою подпись и печать рода вот здесь, и все ваши беды закончатся.

Секретарь услужливо придвинул к девушке чернильницу. Корвус затаил дыхание, предвкушая, как через пять минут станет фактическим хозяином богатейших кристалловых копий.

Елена медленно опустила взгляд на пергамент. На секунду в комнате стало так тихо, что было слышно, как потрескивают дрова в камине. А затем юная сирота вдруг тихо, мелодично рассмеялась.

Стряпчий моргнул, его масляная улыбка слегка сползла:

— Что-то не так, леди Эвелин?

— Все так, господин Корвус, — произнесла она, поднимая на него глаза. И чиновник едва не поперхнулся воздухом: куда делась робкая овечка? На него смотрели холодные, безжалостные глаза хищника, привыкшего перегрызать глотки на переговорах. — Просто я восхищена вашей смелостью. Подсовывать наследнице древнего рода подложный вексель на двенадцать тысяч крон — это, знаете ли, тянет на государственную измену.

Лицо Арчибальда Корвуса налилось густым, багровым румянцем, словно у переспелого томата. Его маленькие глазки сузились, а пухлые пальцы вцепились в подлокотники кресла.

— Да как вы смеете, девчонка?! — загремел он, забыв о своей приторной любезности. — Я представитель королевской казны! У меня на руках официальные реестры податного ведомства! Вот здесь черным по белому указано, что барон Дар не уплатил налог за выработку Сумрачного кварца за тридцать шестой, тридцать седьмой и тридцать восьмой годы правления!

— Прекрасно, — спокойно ответила Елена, даже не моргнув. — Тогда давайте сверим ваши «официальные реестры» с королевским эдиктом о пограничных баронствах от двенадцатого года правления ныне здравствующего монарха. Секретарь, будьте любезны, откройте синюю папку в вашем портфеле. Ту самую, которую вы так старательно прятали на самое дно.

Юный секретарь вздрогнул, побледнел и затравленно посмотрел на своего начальника.

— Что за чушь вы несете?! — рявкнул Корвус, но в его голосе впервые прозвучали фальшивые, панические нотки. — Нет там никакой синей папки!

— Не стоит спорить с некромантом в его собственном доме, господин стряпчий, — ледяным тоном произнесла Елена, слегка поведя пальцами правой руки. — В этих стенах даже воздух помнит, о чем вы шептались в карете полчаса назад.

На самом деле никакой магии чтения мыслей она не применяла — просто призрачная Марта, невидимая и бесшумная, всю дорогу от ворот висела на подножке их экипажа и внимательно слушала, как Корвус наставлял своего помощника.

— Согласно пункту четвертому королевского эдикта, — продолжила Елена, откидываясь на спинку кресла, — баронство Дар освобождается от уплаты налога на добычу кристаллов на десять лет вперед в качестве компенсации за содержание и охрану Разлома Пустоши. Срок этой льготы истекает только через четыре года. Стало быть, никакого долга перед казной не существует. А вот ваша попытка отчудить родовые земли по поддельной закладной — это прямое хищение государственной собственности в пользу частного лица. Угадайте, что сделает Тайная канцелярия, если я отправлю копию этих бумаг лично главе ведомства?

Корвус тяжело задышал. Пот крупными каплями выступил на его лысине и покатился по пухлым щекам. Он переводил растерянный взгляд с холодного, непроницаемого лица юной леди Дар на лежащие перед ним пергаменты, понимая, что попал в капкан, который сам же и расставил.

— Вы... вы не посмеете, — прохрипел он, пытаясь сохранить остатки спеси. — Кто поверит провинциальной сироте против старшего стряпчего?!

— Поверят тому, кто заплатит в казну живым золотом, — мягко улыбнулась Елена и сделала легкий знак рукой.

Тяжелая портьера у дальней стены бесшумно раздвинулась, и в гостиную вошел Кассиан. Он двигался плавно и беззвучно, как черная пантера, в руках держа небольшую, но увесистую шкатулку из темного дерева. За его спиной встали двое скелетов-стражников с начищенными до блеска алебардами.

Кассиан подошел к столу, поставил шкатулку перед стряпчим и откинул крышку. Внутри тускло, гипнотически заблестели ровные ряды полновесных золотых крон — та самая выручка от ночной сделки с лордом Варисом.

— Познакомьтесь, господин Корвус, — представила Елена. — Мой управляющий и главный поверенный, господин Кассиан Вейн. А в этой шкатулке — пять тысяч золотых крон. Это добровольный взнос рода Дар в королевскую казну на нужды обороны границы, плюс официальная пошлина за немедленное, безоговорочное утверждение меня в правах полноправной баронессы и владелицы всех недр баронства.

У Корвуса при виде золота едва не вылезли глаза из орбит. Он сглотнул слюну, судорожно оценивая ситуацию: с одной стороны — верная плаха или каторга, если правда о подложных векселях всплывет в столице; с другой — пять тысяч крон живого золота в отчете для казначейства, что обеспечит ему похвалу министра, да еще и возможность прибрать к рукам часть комиссии, которую новая хозяйка явно готова обсуждать.

— А что... что станет с теми бумагами о недоимках? — осторожно, уже совсем другим, заискивающим тоном спросил стряпчий.

— Они сгорят в этом камине через пять минут, — ответила Елена. — Сразу после того, как вы оформите и скрепите государственной печатью акт о моем вступлении в наследство, а также выдадите патент на свободную торговлю продукцией моих ремесленных мастерских на территории всего королевства. Без права вмешательства местных сборщиков податей.

Корвус покосился на стоящего за спиной девушки Кассиана. Управляющий молча скрестил руки на груди, и его янтарные глаза сверкнули таким недобрым, хищным огнем, что чиновник втянул голову в плечи и торопливо схватил перо.

— Секретарь, живо чистый бланк гербовой грамоты и сургуч! — засуетился он. — Разумеется, леди Эвелин! Все будет оформлено в лучшем виде, в полном соответствии с законом и волей Его Величества!

Через сорок минут заветный пергамент с тяжелой красной печатью королевской канцелярии лежал в сейфе Елены, старые долговые расписки превратились в пепел в камине, а карета напуганного до полусмерти стряпчего на максимальной скорости уносилась прочь от замка Дар, поднимая клубы осенней грязи.

Когда ворота за гостями закрылись, Елена вернулась в малую гостиную и с облегчением опустилась в кресло, позволив себе наконец-то выдохнуть и скинуть маску ледяной аристократки.

— Уф, — пробормотала она, потирая виски. — Даже на проверке налоговой инспекции в две тысячи двадцатом году я так не напрягалась. Ну что, Кассиан, поздравляю. Теперь мы официальные, неприкосновенные собственники.

Управляющий закрыл дверь гостиной на засов и медленно подошел к ее креслу. Вся его официальная холодность мгновенно испарилась. Он опустился на подлокотник рядом с ней, нарушая все мыслимые правила этикета, и посмотрел сверху вниз тем самым обжигающим, бархатным взглядом, от которого у нее перехватывало дыхание.

— Ты была великолепна, Эвелин, — тихо произнес он, снова переходя на «ты», и его пальцы осторожно коснулись выбившейся из ее прически темной пряди, заправляя ее за ухо. — Старый лис Корвус обдирал провинциальных лордов двадцать лет, но сегодня он бежал

отсюда так, будто за ним гнались все демоны Бездны. Признайся честно: откуда ты знала про эдикт двенадцатого года? Ведь даже я о нем забыл.

— Вчера вечером перерыла половину родового архива, пока ты проверял контур у Разлома, — усмехнулась Елена, не отстраняясь от его теплой ладони. — Прежде чем подписывать любой договор, нужно изучить нормативную базу. Это золотое правило любого логиста.

— Логиста? — переспросил Кассиан с легкой, заинтригованной улыбкой, наклоняясь чуть ближе. — Ты уже второй раз произносишь это странное слово. Что оно означает на твоем тайном языке?

Елена замерла, понимая, что едва не проговорилась. Она посмотрела в его бездонные янтарные глаза, в которых сейчас плескалось столько живого, искреннего интереса и скрытого притяжения, и мягко улыбнулась:

— Назовем это древним искусством наводить порядок в хаосе, Кассиан. И, судя по всему, работы у нас с тобой еще непочатый край.

Он тихо рассмеялся, его рука скользнула от ее виска к подбородку, мягко приподнимая ее лицо, но в этот момент в дверь деликатно постучал Гектор, возвещая о том, что ужин подан. Кассиан медленно выдохнул, в его глазах мелькнула досада, но он тут же поднялся, поправил камзол и протянул ей руку с безупречной, отстраненной вежливостью:

— Позволите проводить вас в столовую, леди Эвелин?

— С удовольствием, господин Вейн, — ответила она, принимая игру и вкладывая свою ладонь в его горячую руку.

Глава 6. Незваный сосед

На следующее утро после отъезда столичного стряпчего в замке Дар царило непривычное, почти праздничное оживление. Даже костяной дворецкий Гектор, казалось, расправил костлявые плечи, а голубые огоньки в его глазницах горели ярче обычного. Призрачная Марта и вовсе порхала по коридорам, то и дело сбивая с невидимых полок пыль и напевая старинную колыбельную, от которой у живого человека мороз пошел бы по коже, но для обитателей поместья она звучала вполне уютно.

Елена сидела в кабинете отца, разложив перед собой свежую гербовую грамоту с алой печатью, торговый патент и толстую тетрадь, которую она уже успела разграфить под полноценный производственный план. Напротив за небольшим столиком у окна сидел Кассиан, просматривая отчеты по утренней смене из рудника.

Сегодня управляющий был в темно-синем камзоле, расстегнутом у горла, без привычного высокого воротника. В ярком осеннем свете, падающем из стрельчатого окна, Елена невольно залюбовалась его профилем: резкая линия скул, чуть растрепанные черные пряди с благородной серебристой сединой на висках, длинные темные ресницы и сосредоточенный, хищный прищур янтарных глаз. Когда он не надевал маску ледяного слуги, он выглядел как молодой король, уставший от завоеваний, но готовый в любой момент снова обнажить клинок.

— Хватит сверлить меня взглядом, Эвелин, — не поднимая глаз от бумаг, произнес Кассиан, и уголок его губ тронула ленивая, дразнящая усмешка. — Или ты пытаешься применить на мне ментальную магию, чтобы выведать секреты черного рынка? Предупреждаю сразу: на меня она не действует.

Елена фыркнула, ничуть не смутившись, и постучала кончиком пера по столу.

— Много чести, господин Вейн. Я просто прикидываю, во сколько обойдется пошив нового гардероба для моего главного коммерческого директора. А то ходишь в одном и том же сукне, будто у нас казна пустая.

Кассиан поднял на нее глаза, и в них на миг мелькнуло теплое, живое веселье. Он отложил бумаги, откинулся на спинку кресла и перешел на свой любимый, бархатный, чуть насмешливый тон:

— Коммерческого директора? Это еще один термин из твоих тайных книг?

— Считай, что это твоя новая официальная должность, — серьезно ответила Елена, пододвигая к нему исписанный лист. — Послушай меня внимательно. Вчера мы получили патент на беспошлинную торговлю продукцией ремесленных мастерских по всему королевству. Но продавать сырой Сумрачный кварц в открытую мы не можем — корона тут же потребует свои семьдесят процентов налога, да и лишнее внимание столичных магов нам ни к чему.

— И что ты предлагаешь? — Кассиан подался вперед, мгновенно переходя в деловой режим. Его взгляд стал острым и внимательным. — Снова возить кристаллы по ночам контрабандистам?

— Ни в коем случае. Контрабанда — это высокий риск и нестабильный сбыт, — отрезала Елена. — Мы запустим легальное производство. Смотри: при добыче и огранке крупных камней у нас остается огромное количество мелкой кристаллической крошки и осколков с трещинами. На черном рынке за них дают гроши, а ты их вообще приказывал ссыпать в отвал. Верно?

— Верно, — кивнул управляющий. — Для серьезных ритуалов осколки не годятся. Они слишком быстро выгорают.

— Зато они идеально подходят для бытовой и пограничной защиты, — улыбнулась Елена, в глазах которой загорелся знакомый азарт большого проекта. — Мы наймем в деревне двух-трех толковых кузнецов и ювелиров, оборудуем мастерскую в пустующем западном крыле и начнем делать защитные амулеты. Медный или серебряный корпус, внутри — осколок Сумрачного кварца, заряженный моей некромантической нитью. Такой амулет не спасет от архидемона, но отпугнет мелких тварей из Пустоши, подаст сигнал при приближении нежити или демонического следа и защитит от простейших проклятий.

Кассиан замер, медленно осмысливая услышанное. Его янтарные глаза расширились от искреннего изумления.

— Пограничные амулеты из отвальной крошки... — пробормотал он, глядя на ее чертежи. — Эвелин, да ведь вдоль всей восточной границы стоят десятки гарнизонов, купеческих заставы и охотничьих артелей! Люди отдают последние медяшки за жалкие церковные ладанки, которые рассыпаются от первого же плевка теневой гончей. Если мы дадим им рабочие амулеты по разумной цене...

— Мы получим легальный, неиссякаемый поток золота, прикроем добычу кварца официальным ремеслом и привяжем к себе весь пограничный пояс, — закончила за него Елена. — А самые крупные и чистые кристаллы оставим для себя, для укрепления Разлома и особых, закрытых сделок вроде той, что была с лордом Варисом.

Кассиан посмотрел на нее с таким глубоким, неподдельным восхищением, словно перед ним сидела не девятнадцатилетняя девушка, а гениальный полководец, только что выигравший кампанию без единого выстрела.

— Порой мне кажется, леди Эвелин, что ваш разум опаснее любого боевого заклинания, — тихо произнес он, снова мягко возвращаясь к официальному «вы», хотя в глубине его зрачков все еще плясали золотые искры. — Я сегодня же отправлюсь в деревню и...

Договорить он не успел. Тяжелая дубовая дверь кабинета распахнулась без стука — что для безупречно воспитанного Гектора было высшей степенью тревоги. Костяной дворецкий вошел быстрым, четким шагом, его белоснежные перчатки сжимали подзорную трубу, а голубые огоньки в пустых глазницах тревожно мерцали.

— Прошу прощения за вторжение, миледи, господин Вейн, — произнес Гектор своим глубоким, ровным баритоном. — Призрачный патруль только что вернулся с восточного

тракта. К замку приближается вооруженный отряд всадников. Около двадцати человек. Знамена синие, с серебряным вороном.

В кабинете мгновенно стало тихо. Кассиан медленно поднялся со стула. Вся его недавняя расслабленность испарилась за долю секунды — плечи развернулись, лицо окаменело, а в воздухе снова потянул знакомый запах грозового озона.

— Серебряный ворон на синем поле, — глухо произнес управляющий, глядя в окно. — Граф Джулиан Рейвен. Наш восточный сосед и любимец столичного двора.

Елена нахмурилась, пытаясь выудить из глубин памяти Эвелин сведения об этом человеке. Образы всплыли почти сразу: блестящий молодой аристократ, герой прошлогодней кампании на юге, прославленный боевой маг стихии Света — и ярый противник темных искусств.

— Что ему нужно в наших глухих краях? — спокойно спросила Елена, убирая чертежи в ящик стола. — Насколько я помню, наши семьи не поддерживали дружбу.

— Рейвен не из тех, кто ездит с пустыми визитами вежливости, леди Эвелин, — жестко ответил Кассиан, поворачиваясь к ней. В его взгляде читалась нескрываемая тревога и желание немедленно спрятать ее за своей спиной. — Он фанатично предан короне и ордену Света. В столице давно ходят слухи, что он мечтает прибрать к рукам пограничные рудники, чтобы задушить некромантию в этом регионе. Позвольте мне выйти к воротам и сказать, что вы больны и не принимаете гостей.

Елена поднялась из-за стола, расправила складки своего изумрудного бархатного платья и ледяным, уверенным тоном ответила:

— Прятаться за закрытыми дверями в собственном доме — значит признать слабость, Кассиан. Если сосед пришел разведать обстановку и пощупать границы, мы устроим ему такой прием, что он надолго запомнит дорогу к замку Дар. Гектор, вели открыть ворота и подать в малую гостиную лучшее вино из отцовских запасов. Идем, мой коммерческий директор. Пора познакомиться с нашим первым крупным клиентом.

Елена спускалась по широкой парадной лестнице медленно, с безупречной аристократической осанкой, которой ее тело словно обладало на уровне мышечной памяти. Сегодня она выбрала строгое платье из тяжелого темно-изумрудного бархата с высоким кружевным воротником — оно выгодно оттеняло ее фарфоровую бледность и глубокий серый цвет глаз. Кассиан шел на полшага позади, сохраняя вид безупречно холодного, бесстрастного управляющего, хотя Елена кожей чувствовала исходящее от него тяжелое, хищное напряжение.

В главном холле уже ждали гости.

Джулиан Рейвен оказался именно таким, каким его описал Кассиан — ярким, породистым и опасным, как клинок из лучшей дамасской стали. Высокий, статный мужчина лет двадцати восьми, с густыми золотисто-каштановыми волосами, небрежно перехваченными кожаным шнурком на затылке. Волевое лицо с резкими, красивыми чертами, прямой нос, дерзкий изгиб губ и пронзительные, холодные глаза цвета зимнего неба. На нем был темно-синий кавалерийский мундир с серебряными эполетами, а у пояса висела длинная сабля в украшенных ножнах. За его спиной замерли двое рослых гвардейцев, которые с плохо скрываемым суеверным ужасом косились на костяного дворецкого Гектора.

Завидев спускающуюся хозяйку, граф Рейвен мгновенно преобразился. Холодная настороженность сменилась ослепительной, светской улыбкой. Он сделал несколько быстрых шагов вперед и галантно склонился в поклоне.

— Леди Эвелин, — произнес он глубоким, звучным баритоном, в котором звенели нотки привычного командира. — Прошу простить за столь внезапный визит без предварительного письма. Узнав о страшной трагедии, постигшей ваш дом, я счел своим долгом лично принести соболезнования и убедиться, что юная соседка ни в чем не нуждается.

Елена остановилась на нижней ступеньке, сохраняя легкую дистанцию, и ответила сдержанным, вежливым кивком:

— Благодарю за участие, граф Рейвен. В наше суровое время подобная учтивость со стороны соседей — большая редкость. Прошу вас в малую гостиную, с дороги вам наверняка не помешает горячий чай или бокал вина.

— С превеликим удовольствием, миледи, — Джулиан бросил быстрый, оценивающий взгляд на застывшего за ее спиной Кассиана, слегка прищурился, но промолчал и направился следом за ней.

В гостиной, где еще вчера потел от страха королевский стряпчий, теперь царил идеальный порядок. Елена заняла кресло у камина, граф расположился напротив, вальяжно закинув ногу на ногу, а Кассиан встал у стрельчатого окна, скрестив руки на груди и превратившись в безмолвную, грозную тень.

— Признаться, леди Эвелин, я ожидал застать здесь картину полного запустения, — начал Джулиан, принимая из рук Гектора серебряный кубок с вином и ни единым мускулом не выдавая брезгливости к костяным пальцам дворецкого. — По границе ходят упорные слухи, что после нападения тварей из Бездны баронство Дар осталось без защиты, а ваша казна пуста. Однако, глядя на вас и на порядок в замке, я вижу, что слухи сильно преувеличены.

— Граница полна сплетников, граф, — спокойно ответила Елена, складывая тонкие пальцы на коленях. — У людей слишком много свободного времени, когда им нечем занять руки. Но, полагаю, вы проделали три часа верхом по осенней грязи не только ради того, чтобы проверить состояние моих ковров и занавесок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.